

Т

ри ипостаси Степана Скоропанова

Министр, академик, воин

Александр АКУЛИК,
кандидат исторических
наук

Сейчас, когда в обществе снова (в который раз!) обострился интерес к проблемам науки и ее отношений с властью, с производством и социумом в целом, логично заглянуть в тот исторический период, когда эти проблемы решались успешно, и вспомнить тех, кто этому способствовал... Одной из наиболее ярких личностей той эпохи, на которую мы поспешили навесить весьма непрезентабельные ярлыки вроде «застоя», был Степан Гордеевич СКОРОПАНОВ, академик и министр сельского хозяйства. Я был лично с ним знаком, и теперь рад возможности воскресить в памяти и представить читателям журнала «Беларуская думка», хотя бы пунктирно, облик этого замечательного ученого, ветерана и орденоносца Великой Отечественной войны.

«Мой родны кут...»

Прошло немало лет, а в моей памяти жив тот теплый апрельский день и то свежее, деловое и бодрое настроение, которое царило в салоне самолета во время поездки на Гомельщину с группой специалистов, возглавляемой Петром Машеровым. В ней были и тогдашний министр сельского хозяйства академик Степан Скоропанов, и Ефрем Соколов и Василий Каленчиц, представлявшие отделы ЦК КПБ, а также редактор «Сельской газеты» Владимир Матвеев и другие...

Подлетая к Буда-Кошелеву, Машеров особенно внимательно всматривался в иллюминатор:

– Где-то тут твоя деревушка, Степан Гордеевич?

– Да вот же она, смотрите!

Все прильнули к иллюминаторам, пытаясь увидеть то место, где родился академик.

– Может, сядем? – мягко улыбнулся Машеров.

Деревня, где родился академик Скоропанов, носит вполне сельскохозяйственное имя Ботвиново. Крестьяне, жившие здесь с незапамятных времен, очевидно, умело использовали для своих нужд не только плоды, но и ботву различных культур – картофеля, свеклы, от того и пошло название. Ботвиново – обыкновенная белорусская деревушка, каких тысячи, и только древние курганы в ее окрестностях заставляют задуматься о нераскрытых пока тайнах тысячелетней истории. А вот и более свежий штрих: население Ботвинова едва ли не удвоилось после того, как оно гостеприимно приняло переселенцев, пострадавших от чернобыльской катастрофы, хотя и сама деревня числится среди населенных пунктов, где плотность загрязнения цезием, стронцием и плутонием выше средних показателей.

В солидных справочниках, где говорится о Ботвинове, рядом со Скоропановым поставлена фамилия Гусакова. У некоторых читателей это может вызвать удивление: что, и этот известный ученый-аграрник то-

ОБ АВТОРЕ

АКУЛИК Александр Константинович.

Родился в 1939 году в д. Барановичи Кореличского района Гродненской области. В 1960 году окончил отделение журналистики БГУ, в 1978 году – Академию общественных наук при ЦК КПСС, в 1983 году – аспирантуру БГУ.

Работал в областной газете «Гродзенская праўда», «Сельской газете», главным редактором Главной редакции экономики сельского хозяйства Белорусского телевидения.

С 1978 года – заведующий отделом партийной жизни журнала «Коммунист Белоруссии» (в августе – сентябре 1991 года – ответственный секретарь журнала). С января 2002 года – заместитель главного редактора, с августа 2003 года – первый заместитель главного редактора газеты «Рэспубліка». Работу в печати совмещал с преподавательской (старший преподаватель, доцент БГУ). С 2005 года – ученый секретарь Минского НИИ социально-экономических проблем, с 2008 года – ведущий научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси. Кандидат исторических наук (1985).

Автор более 200 статей, нескольких книг очерков и публицистики, десятков коллективных монографий, научных и литературных сборников.

► Степан Гордеевич
Скоропанов

же из Ботвинова? Тоже! Оба ученых действительно родились в одной «деревеньке-колхознице», оба посвятили свою деятельность одной сфере – аграрной, оба добились широкого научного, общественного признания... Более того, вышли они фактиче-

► Владимир Григорьевич
Гусаков, председатель
Президиума
Национальной
академии наук
Беларуси, академик,
доктор экономических
наук, профессор

ски из одной семьи – обоих в Ботвиново называют «птенцами гнезда» уважаемого односельчанина дядьки Гордея, только для Степана Скоропанова это отец, а для Владимира Гусакова – дед...

Сам по себе факт уникальный: два академика из одной семьи! Хотя и принадлежат они разным эпохам: Степан Гордеевич родился в 1910-м, еще при жизни Столыпина, сыгравшего важную роль в судьбах крестьянства, а Владимир Григорьевич – в 1953-м, в год смерти Сталина, оставившего драматический, а то и кровавый след в тех же самых судьбах.

По-разному сложились личные биографии академиков Скоропанова и Гусакова. Степан Гордеевич сполна извещал все «прелести» двадцатых, тридцатых, сороковых-пороховых и последующих десятилетий, наполненных непрерывными реорганизациями и экспериментами в деревне. Хватило их и на долю Владимира Григорьевича Гусакова, хотя внешне его жизнь может показаться непрерывным восхождением на научный Олимп. Кое-кто из «доброжелателей», а они не переводятся во все времена, склонен видеть в этом восхождении едва ли не протекцию его именитого дяди. Глубоко презирая племя завистников, не считаю нужным вступать с ними в полемику. Одно скажу: уймись, господа, Скоропанова нет на свете уже тринадцать лет, а труды Гусакова все эти годы выходят с завидной периодичностью, приобретая все большую глубину и масштабность. Но, думаю, нет резона и отрицать влияние, которое оказал на племянника Степан Гордеевич. Впрочем, и сам Владимир Григорьевич не раз говорил об этом.

– Каждый приезд Степана Гордеевича домой, в Ботвиново, – вспоминает академик Гусаков, – а это случалось, к сожалению, не очень часто, для меня, всей нашей семьи, соседей, односельчан был настоящим праздником. В деревне относились к нему с большим уважением. И не только потому, что занимал крупные должности – директора института, министра... Люди ценили его человеческие качества – порядочность, глубокое понимание сути крестьянского труда, почтительное отношение к каждому человеку. А для меня он был как Бог... Правда, уже тогда формировались и мои собственные взгляды, которые не всегда соответствовали тем, которые исповедовал Скоропанов.

Особенно отчетливо это проявилось при выборе специальности. Нет, у Владимира Гусакова сомнений не было: специальность только аграрная, а учебное заведение – только академия в Горках, которую оканчивал Скоропанов. И хотя Степан Гордеевич нацеливал на агрономию, племянник пошел по экономической стезе... Не знаю, помнил ли при этом Владимир Григорьевич мудрый совет Якуба Коласа: «Нехитрое дело попасть ногою в проложенный след; гораздо труднее, но зато и почетнее, прокладывать путь самому». Но, как часто бывает в подобных случаях, сама жизнь подтвердила правильность пути, выбранного молодым специалистом

Диссертант из каптерки

Из автобиографии С. Скоропанова: «В 1939 г. был призван в Красную армию, где прослужил до 1946 г. За это время прошел путь от солдата до начальника политотдела артбригады. С начала и до конца Отечественной войны находился в действующей армии. Имею 8 правительственных наград и много благодарностей командования. Демобилизовался по своему желанию в звании подполковника».

Один мудрый человек заметил: мы меряем жизнь своих предшественников десятилетиями, столетиями, эпохами, а ведь и у них, как и у нас, она складывалась из минут, часов, дней... Нелегко их воссоздать, когда человека уже нет. Но ведь у каждого есть и были такие моменты, которые можно назвать определяющими, тесно связанными с судьбами страны, народа. Что касается Скоропанова, то вся его жизнь – от рождения до смерти – пронизана присущими его веку токами высокого нравственного, умственного, физического, духовного напряжения.

Путь Степана Гордеевича в науку, в высшие сферы руководства сельским хозяйством республики начинался на рубеже двадцатых – тридцатых годов прошлого века. Сложное было времечко, а впрочем, скажите, когда оно было простым в том драматическом, трагическом двадцатом веке? Именно тогда, в годы насильственной, разорительной для деревни коллективизации, «великого сталинского перелома», начиналась полная жизненных перипетий биография Степана Скоропанова. 1928 год:

он – комсомолец, председатель местного сельского совета. Такие как он и его сподвижники (знали закаленные в сражениях революций и гражданской войны большевики, на кого делать ставку) – юные, самоотверженные, увлеченные идеями мировой революции крестьянские ребята и нужны были для реализации партдиректив по коллективизации, обобществлению и раскулачиванию...

А между тем у самого активиста отец Гордей числился в «черном списке» «заможных» мужиков, у него – о ужас! – в сарае стояли бок о бок молодой крепкий конь, корова, телка и прочая живность... Степан, естественно, пытался уговорить отца и всех домашних вступить в колхоз, сдать имущество. Гордей отказался наотрез: это означало гибель всего нажитого с таким трудом, такими страданиями... Он работал обжигальщиком кирпича в Гомеле, пользовался репутацией лучшего мастера, и чего это ему стоило! Чтобы добраться на работу, надо было более 20 км идти пешком до ближайшей железнодорожной станции Буда-Кошелево, оттуда ехать до Гомеля поездом... И все это ради каких-то грошей, которые сэкономились для того, чтобы прикупить земельки... Возвращался раз в две недели на выходной домой, где со всеми крестьянскими хлопотами управлялись трое сыновей (один из них – будущий академик), дочь (мать будущего второго академика) и жена (еще четверо детей умерли в маленьком возрасте). И вот наглядная картинка того, как калечила коллективизация семейные отношения... Пока труженик Гордей возвращался из Гомеля, его сыночек, комсомолец, председатель сельсовета взял семейную власть в свои руки, набросил веревку на рога домашней кормилицы и отвел в колхоз. Конечно, без скандала не обошлось, причем кровавого. Пострадала телка, которую Степан грозился также экспроприировать. Гордей впопыхах перерезал ей горло, и дело с концом... Немалых усилий стоило матери и сестре Степана помирить мужиков. Страсти, как видим, из разряда тех, что так красочно описаны Шолоховым да Мележем... И если б только в Ботвиново: по всей Беларуси подобных страстей мало кому удалось избежать...

Между тем Степан поступил в Белорусский сельхозинститут (ныне БСХА), окончил его... А за четыре месяца до оконча-

ния аспирантуры, куда пошел Скоропанов после института, Горецкий райвоенкомат призвал его на срочную военную службу (время предвоенное, а дисциплина беспрекословная). Рушились планы: наработки к диссертации теряли смысл. И вот тут-то начинается самое интересное... Впрочем, послушаем самого Степана Гордеевича...

«Уходя в армию, – вспоминал он на 86-м году своей жизни, – я переживал за возможный неопределенный исход моей аспирантской подготовки. Мною руководило страстное желание довести дело до конца, для чего в вещевом мешке оказались все материалы для будущей диссертации, но неопределенность будущего угнетала. С первого дня солдатской жизни почти все два часа, отводимые на самоподготовку, отдавались диссертационной работе... Дело подвигалось, но медленнее, чем хотелось...»

Своими переживаниями Степан поделился с комиссаром дивизиона, и ему разрешили один час работать после отбоя в каптерке. Бюджет рабочего времени солдата-аспиранта до конца года возрос примерно на 30 рабочих часов. Плотнее стал использовать он и время, которое отводилось на изучение воинских уставов. Все это позволило завершить диссертацию о возделывании стратегической на то время культуры – кок-сагыза (из него изготавливалась резина для колес, в первую очередь военной техники) – в установленный срок.

Командир корпуса, который решал вопрос о том, отпустить ли красноармейца Скоропанова для защиты диссертации, обозвал всю эту затею «чуждачеством» и предупредил: не защитишься – пойдешь на гауптвахту на 15 суток. Выхода не было: или – или... Аудитория имени Фрунзе в академии в Горках, где проходила церемония, впервые за свои сто лет видела человека, защищавшегося в армейской форме. Впрочем, и в позднейшие времена это встречалось редко, если вообще случалось.

Шел 1940-й, и никто из присутствовавших на защите не мог предположить, что до того дня, когда завоеванный почти в буквальном смысле кандидатский диплом пригодится на практике, пройдет семь долгих лет, до предела заполненных страданиями и трудами. К сожалению, далеко не все доживут до того немисливо счастливого дня. Политрук-агроном Скоропанов доживет! И выяснится, что не напрасно требовал

он от солдат, оборудовавших огневые позиции, отдельно складывать плодородный слой земли, а уходя, возвращать ее в исходное положение... В самые трудные военные минуты он верил, что пригодится-таки хоть и израненная, но спасенная ратными трудами земля!

Перечитывая брошюру «Солдатская жизнь академика», изданную на склоне жизни С.Г. Скоропановым (Минск, 1997), не перестаю удивляться: в каких только сложных переплетках не побывал уважаемый Степан Гордеевич, с какими людьми не встречался! Первую боевую награду – орден Красного Знамени – ему вручили в Кремле в июне 1942 года. Как следовало из лаконичной записи, за мужество, проявленное под Москвой. Один из участников того сражения сержант Заколюкин изображает события так: «Утром 21 октября 1941 года наш полк был разгромлен, но парторг полка Скоропанов оказался у одного боееспособного орудия, члены расчета которого тут же лежали тяжело раненные. Танки врага примерно в двухстах метрах. Парторг (а это и был Степан Скоропанов. – *Авт.*) обратился к раненым: «Кто может, помогите мне». Один из них подобрался к орудию. Они вдвоем, в упор, прямой наводкой, выпустили семь последних снарядов. Почти у самого орудия горели три танка. Другие повернули в сторону... Командование полка, наблюдавшее это неравное единоборство, назвало его «безумно храбрым»...

В брошюре немало подобных эпизодов, но поданы они исключительно скромно, без прикрас. Рассказ ведется как бы от третьего лица – свидетеля или наблюдателя тех событий. И с иллюстрацией – скупой, помещено лишь четыре скромных фотоснимка. Дарственная надпись гласит: «Глубокоуважаемому Владимиру Григорьевичу Гусакову на долгую и добрую память. С.Г. Скоропанов».

– Книжка редкая, вышла в свет тиражом всего сто экземпляров, – сказал академик Гусаков, протягивая мне подписанную автором брошюру. – А всё от исключительной, редкостной скромности моего уважаемого дяди. Не любил он афишировать себя, свои успехи. Вот и о своих военных заслугах решился рассказать в отдельном издании лишь в самом конце жизни. Да и то весьма бегло, конспективно. А ведь с какими известными военачальниками приходилось

ему общаться за время службы! Прежде всего, это, конечно, маршал Жуков, в которого, как признавался сам Скоропанов, он был «по-хорошему влюблен». Справедливо возмущался, когда после войны нашлись охотники покопаться в гардеробе маршала в поисках компромата. А расправу Хрущева над Жуковым воспринял как личный удар. Позднее, когда маршал баллотировался в депутаты Верховного Совета СССР, Скоропанов стал его доверенным лицом. Высоко отзывается Степан Гордеевич о чрезвычайной храбрости легендарного маршала Ворошилова, целый день пробывшего в полку, где служил Скоропанов, и лично поднявшего бойцов в смертельно опасную для них и для самого маршала атаку...

Всматриваемся в помещенные в книжке фотоснимки. На одном из них (1940) Степан Скоропанов с однополчанами. На гимнастерке – воинский значок «Отличник РККА». Лица ребят серьезные, сосредоточенные, хотя, конечно, никто тогда не мог и предположить, какие жестокие испытания их ожидают через год-полтора... А вот и один из первых послевоенных снимков. 1946 год. Вся грудь подполковника Скоропанова в орденах и медалях. Четкие, правильные черты лица, спокойный, сосредоточенный взгляд с едва заметной доброжелательной улыбкой – нельзя не залюбоваться... Он был красив той редкой, непритязательной красотой, которая органично сочетает мужественность и интеллект...

Закончил армейскую службу Степан Гордеевич подполковником. Командование не хотело расставаться с перспективным офицером, который умел организовать боевую и политическую подготовку, мог оперативно и грамотно составить любой отчет, любую информацию... Скоропанова настойчиво упрашивали остаться. А он, соскучившись по обычному крестьянскому делу, по научным опытам, прерванным войной, по своей милой, родной Беларуси, упорно рвался домой...

«Нормальный мужик»

«С момента мобилизации до мая 1948 г. работал в Совете по изучению производительных сил Академии наук СССР в качестве начальника с.х. отдела Арало-Каспийской экспедиции. В мае 1948 по решению ЦК ВКП(б) переведен на работу в Академию

наук БССР. С мая 1948 г. был заместителем директора, а с сентября 1948 г. по октябрь 1950 года – и.о. директора Института мелиорации, водного и болотного хозяйства АН БССР. В октябре 1950 года решением бюро ЦК КП Белоруссии был утвержден зам. начальника Управления сельскохозяйственной пропаганды Министерства сельского хозяйства БССР. В октябре 1952 года переведен на должность директора Института мелиорации, водного и болотного хозяйства АН БССР, где и работаю до настоящего времени (из автобиографии С.Г. Скоропанова. Написана 27.12.1954 г. Оригинал – в Национальном архиве Республики Беларусь, фонд 4п, опись 159, дело 501, л. 7–9).

Мое знакомство со Скоропановым до той давней памятной поездки в составе машеровской группы было «шапочным» – виделись мимолетно в министерстве, на различного рода семинарах, совещаниях да заседаниях. На первых порах он мне казался чересчур важным, неприступным, чем-то неуловимо напоминая Андрея Андреевича Громько, кстати говоря, нашего земляка с Гомельщины. Но увидел Степана Гордеевича в деле – на республиканском соревновании пахарей. Вот тогда-то мои первоначальные представления о министре поменялись кардинально. Размашисто, вприпрыжку он перешагивал через обернутые пласты только что вспаханной почвы, наскоро беседовал то с одним, то с другим трактористом – о чем-то расспрашивал, шутил, улыбался. Вижу: живой, заинтересованный в деле человек. Врезались в память его слова, прозвучавшие в краткой беседе с механизаторами: «Не тот пахарь, кто хорошо пашет, а тот, кто пахотой своей любитесь». Я и до того где-то слышал это хлесткое выражение, но в устах академика прямо в поле, в ровной, как струна, борозде, они прозвучали особенно авторитетно и очень уместно.

Тепло отозвался тогда о Скоропанове председатель колхоза «Авангард» Гродненского района Герой Социалистического Труда Петр Иосифович Деньщиков, который принимал многочисленных гостей республиканского семинара по сельскому хозяйству (такие ежегодно проводились во всех областях поочередно). Когда речь зашла о Степане Гордеевиче, Деньщиков, знавший министра по предыдущим встречам, был лаконичен: «Нормальный мужик!» Помню,

я тогда не удержался и, пользуясь давними дружескими отношениями, сложившимися у меня с руководителем колхоза, попытался «подправить» именитого председателя: какой же, дескать, он «мужик»? Академик! Министр! Но Петр Иосифович стоял на своем: «Я сказал не просто мужик, а нормальный мужик. А вот теперь задумайся: много ли среди чинов такого рода мужиков? Наверное, немало. А вот нормальных – раз два и обчелся...»

Столь категоричные суждения руководителя, очевидно, не случайны. Отношения у «председательского корпуса» с местными властями нередко складывались непросто (что, впрочем, случается и сегодня). «Кіраваць-то ты кіруй, ды не вельмі тузай», – поговаривали руководители хозяйств, имея в виду не только местных, но и республиканских и даже союзных «вождей, вожаков и вожачков» (выражение замечательного публициста, многолетнего собкора «Правды» в нашей республике Александра Симурова, назвавшего так одну из своих книг). Тузал «кукурузник» Хрущев, тузали десятки, сотни представителей партийной, советской номенклатуры. Медленно изживалась, несмотря на призывы, звучавшие с трибун, своеобразная «борзовщина» (словечко другого известного публициста Валентина Овечкина).

Вдумчивая, спокойная манера поведения Скоропанова, научный подход к развитию агропромышленного комплекса не вписывались в преобладавший тогда командно-административный стиль руководства. Это чувствовал и Деньщиков, повывавший за четверть века всяких руководителей – и хитрых лис, и нахрапистых волкодавов... Оттого и обычная председательская оценка прозвучала как похвала. «Нормальный мужик» – значит, человек, который руководит с умом, не выпячивая ни своего должностного статуса, ни званий и заслуг, а влияние на людей проявляет благодаря знаниям, опыту, наконец, личному обаянию. (Званий и заслуг, кстати, было немало – за героизм на фронте и самоотверженный труд в мирное время Степан Гордеевич Скоропанов награжден двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции и Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденами Красной Звезды, Дружбы народов,

«Знак Почета», семнадцатью медалями, в том числе медалью Франциска Скорины, пятью Почетными грамотами Верховного Совета БССР.)

Заметно это было и в памятной поездке Скоропанова на Гомельщину в составе группы специалистов ЦК во главе с Машеровым. Петр Миронович нередко «подключал» его к анализу той или иной ситуации и всегда получал четкий, краткий, но емкий ответ. Я обратил внимание на то (однажды даже писал об этом), что держался Степан Гордеевич с редким достоинством, присущим истинному интеллигенту, который обладает энциклопедическими знаниями, организаторским талантом, хотя, быть может, меньшими возможностями, чем первый секретарь ЦК, тогдашний фактический лидер республики.

Да, на внешний рисунок дружеских взаимоотношений первого секретаря и академика я обратил внимание еще в той поездке, но глубинную их суть начал понимать намного позднее, уже после смерти обоих. Ведь, по большому счету, речь шла не просто о конкретных лицах, личностях, а фактически о взаимоотношениях власти и науки. На первый, весьма беглый, посторонний взгляд они могли показаться едва ли не идиллическими... Но за показной благопристойностью нередко скрывались серьезные противоречия, а то и конфликты. Один из них излагаю так, как он выглядит в воспоминаниях самого Скоропанова.

Речь идет об одном из самых драматических моментов, определивших судьбу республики не только на ближайшие в то время годы, но и на отдаленную перспективу. К масштабной мелиорации, а предполагалось осушить огромные площади заболоченных земель, БССР не была готова. Не была готова и наука, доказывал тогда Скоропанов. Все наши показатели, утверждал он, базируются на данных Минской опытной болотной станции. Других у нас нет. Есть опасность, что эти данные окажутся некорректными для Полесья, других регионов. На бюро ЦК КПБ, где обсуждалась эта проблема, возникло бурное и продолжительное обсуждение. Дискуссию резюмировал П.М. Машеров примерно так: «До Пленума в ЦК КПСС состоится встреча с учеными страны. Вы, – обращаясь непосредственно к Скоропанову как к министру и академику, сказал первый секретарь ЦК, –

там можете сыграть не последнюю скрипку. Не мне вас учить, как это делать. Объемы осушения около года прорабатывал Госплан Союза. Неоднократно туда приглашались и ведущие ученые страны. Проектные объемы осушения, предложенные нам, будем принимать...»

Комментируя эту ситуацию, Скоропанов сделал такую немаловажную ремарку: «Петр Миронович незаурядная личность. У него светлая голова, но в данном случае он поддержал ошибку Политбюро».

Приводил Скоропанов и другой пример: деление Компартии на городскую и сельскую: «Мы (я и Машеров) в одном купе вагона едем на Пленум ЦК КПСС, который утвердит эту чушь. Машеров заявляет: «Этого не будет, раздел – дело худое. Убежден, что Пленум не примет такого решения». Однако все оказалось решено Никитой Сергеевичем. На Пленуме Машеров не выступал. Нервничал. А после Пленума активно делил Компартию Белоруссии».

– В чем дело? – размышлял Скоропанов. – Убежден в одном, а делает другое... Жизнь показала ошибочность и программы мелиорации, и дележа партии. Почему же не устойчивы и трезвомыслящие, волевые люди? Ответ видится в одном: положение обязывает. Жаль, но так было.

Вспоминал Степан Гордеевич и встречу с учеными в ЦК КПСС. Вел ее за полторы-две недели до пленума Ф.Д. Кулаков, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК. На встрече прибыли 29 человек. Они имели подготовленные заранее конспекты. Абсолютное большинство выступающих – безоговорочно за проект программы мелиорации. Выступления двоих содержали замечания, которые раздражали Федора Давыдовича. Член-корреспондент АН СССР В.А. Ковда усомнился в возможности решения проблемы зерна за счет водной мелиорации. Федор Давыдович нервничал и вынужденно слушал ученого.

И вот выступление Скоропанова. Его суть: затея ЦК достойна положительной оценки. Но это проблема комплексная. Ведущими ее звеньями являются вода и питание растений. Между тем проект программы концентрирует внимание только на одном – воде (орошении, осушении), что обесценивает всю программу. Степана Гордеевича Кулаков прерывает сердитой репликой: ты же, дескать, государственный

◀ Министр, академик, воин... При полном параде С.Г. Скоропанов показывался редко

человек и хорошо знаешь – удобрений пока нет. Они будут позже. Скоропанов пытается парировать: «В этом случае объемы осушения соотнесем с наличием удобрений». Кулаков в грубоватой форме заявляет: «Это же не государственный подход к делу. Пленум состоялся. Программа принята. Ей дан зеленый свет. Скоропанов в работе пленума не участвовал...»

Программа майского (1966 года) Пленума ЦК КПСС, как и следовало ожидать, не дала желаемых результатов. Святое дело улучшения земли превратилось в чисто строительное. Мнение Скоропанова (пока не появится возможность оптимальными дозами удобрять мелиорированные земли, о новом осушении земель не может быть и речи) повисло в воздухе...

А между тем именно Скоропанова в итоге сделали «козлом отпущения» и за масштабы мелиорации, и за спрямление рек, и за уничтожение малых речушек, и за пыльные бури, и за заморозки на торфяниках, и за паводки... Слегкой руки одного из известных публицистов (не называю его фамилии: недавно он ушел в мир иной, и, если верить в его существование, там у него со Скоропановым будет возможность объ-

ясниться) тогда в оборот запущено было хлесткое словечко «скоропановщина»... Впрочем, в ту пору принято было все мыслимые и немыслимые грехи и провалы списывать на руководителей – в государстве ли, в науке ли (удобная, между прочим, для властей позиция: зачем утруждаться, докапываясь до корней той или иной проблемы). Скоропанов, похоже, это понимал и не вступал в публичную полемику, какой бы ожесточенной, а подчас и несправедливой она ни была или ни казалась... Упомянутый публицист обрушил на министра-академика весь свой профессиональный запал: сарказм, иронию, гнев, осуждение. Однако Степан Гордеевич стоически переносил все публицистические выпады и... молчал. Лишь один раз, когда, как говорится, накипело, он дал ответ: на страницах «Советской Белоруссии» в 1988 году.

«...Странным образом мне на склоне лет, – писал Скоропанов, – пришлось оказаться в положении человека, дело жизни которого подвергается если не поруганию, то публичному осуждению. У некоторых пишущих идет нечто вроде соревнования – кто громче, эмоциональнее и эффективнее выдвинет обвинения в адрес мелиораторов – как практиков, так и ученых. Обвинения, как правило, строятся на личных впечатлениях и частных фактах, но носят весьма огульный характер. Страстные крики «караул!», «загубили природу!» создают впечатление большой беды, чуть ли не преднамеренного вредительства, вызывают у многих осуждение мелиорации в целом, особенно ее последствий, иногда доходит до требования прекратить мелиорацию. Конечно, озабоченность писателя, журналиста судьбой природы вызывает только уважение. Но некомпетентность и безапелляционность суждений, необъективных из-за недоосмысления, всегда граничат с невежеством, мешают делу и приносят не только моральный, но материальный ущерб. Положение усугубляется тем, что эти нападки не встречают должного отпора тех, кто призван заниматься мелиорацией по долгу службы и для кого она кровное дело...»

Степан Гордеевич остро критикует руководителей, которые не прочь поворчать по поводу «разгулявшейся» литературной стихии, но на деле никаких встречных мер не принимают. «Скажу сразу, – заявил ученый, – мне такой подход претит. Нападки

на мелиорацию меня задевают лично. И как ученого, чьи взгляды, идеи, концепции излагаются публично (далее – ссылка на конкретного автора и конкретные публикации – их я опускаю по этическим соображениям. – *Авт.*), и как человека, отдавшего более шестидесяти лет своей жизни преобразованию родной земли и озабоченного прежде всего тем, чтобы люди на ней жили сыто и счастливо, пользовались чистой водой и воздухом».

И еще одну необходимую, важную оговорку делает мудрый Степан Гордеевич: «Личные обиды можно было бы и не замечать, но никто из нас не имеет права оставаться равнодушным, когда порочится живое и нужное дело...» Было совершенно очевидно: академик взялся за перо, чтобы внести ясность в разговор о мелиорации, расставить необходимые акценты, осмыслить пройденный наукой и практикой путь, сопоставить происходившее в нашей республике с мировым уровнем... Это и стало предметом фундаментальной – на три газетных «подвала» его статьи в «Советской Белоруссии» под названием «Сила обновленного гектара».

Читатели, к счастью, не остались равнодушными к позиции академика Скоропанова. С глубокими размышлениями по поводу судеб мелиорации в Беларуси выступил в газете талантливый публицист, автор ряда серьезных книг на темы агроэкономики Евгений Будинас в заметках «Дилетанты» против «профессоров». Свое мнение в поддержку мелиораторов и ученых высказал в газете в статье «Прилетели черные аисты» и председатель колхоза имени Горького Пинского района Герой Социалистического Труда Василий Горошко. Прошли годы, десятилетия... Вот уже и XXI век правит бал... И что же с мелиорацией? Читаем «Народную газету» (1 июня 2012 года): «Во время недавнего посещения мелиоративного объекта «Семигостици» в Столинском районе Президент Беларуси Александр Лукашенко заявил, что с 2013 года мелиорация будет финансироваться приоритетно. По плану на текущую пятилетку за счет мелиорации необходимо вернуть в севооборот не менее полумиллиона гектаров земель. И в первую очередь вести работы по восстановлению мелиоративных сетей».

Как бы порадовался уважаемый Степан Гордеевич таким новостям! ▀